

1367.81
Г 93

Губернаторы Оренбургского края

Op 67.81
593

ГУБЕРНАТОРЫ Оренбургского края

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1999

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Иван Иванович
НЕПЛЮЕВ,
начальник Оренбургской комиссии
в 1742 – 1744 годах,
оренбургский губернатор
в 1744 – 1758 годах

Ученик великого преобразователя России Петра I, талантливейший государственный деятель, И.И.Неплюев был верным последователем своего учителя. Историк Витецкий, всю жизнь занимавшийся изучением деятельности Неплюева, писал:

“Неплюев – это пример того, насколько сильно и благотворно было влияние могучей силы Петра, когда она падала на плодотворную почву”.

И.И.Неплюев не только основал Оренбург и стал первым оренбургским губернатором, но и “устроил” весь обширный и беспокойный край, дал ему направление развития. Преемники Неплюева на губернаторском посту сверяли свою деятельность с его великими замыслами.]

Неплюеву посвящены множество статей, монографий, книг. Опубликованы и собственные его воспоминания: “Жизнь Ивана Ивановича, им самим написанная” ...

Иван Иванович Неплюев родился 5 ноября 1693 года в семье обедневшего новгородского помещика Ивана Никитича Неплюева. Мать Неплюева, Марфа Петровна – урожденная княгиня Мышецкая.

В возрасте шестнадцати лет Неплюев лишился отца, а в восемнадцать, по воле матери, женился на Федосье Федоровне

*Герб
рода Неплюевых*

Щит рассечен на две части. В правом красном поле изображена золотая импературская корона, а под ней перпендикулярно два серебряных креста (этот элемент повторяет герб приморского города Гданьска), а в левой - в золотом поле - кумиропоклонный дуб, который повторяется в нашлемнике. Щитодержатели с правой стороны лев с лавровой ветвью во рту и державой в лапе, с левой - черный орел с масличной ветвью в клюве.*

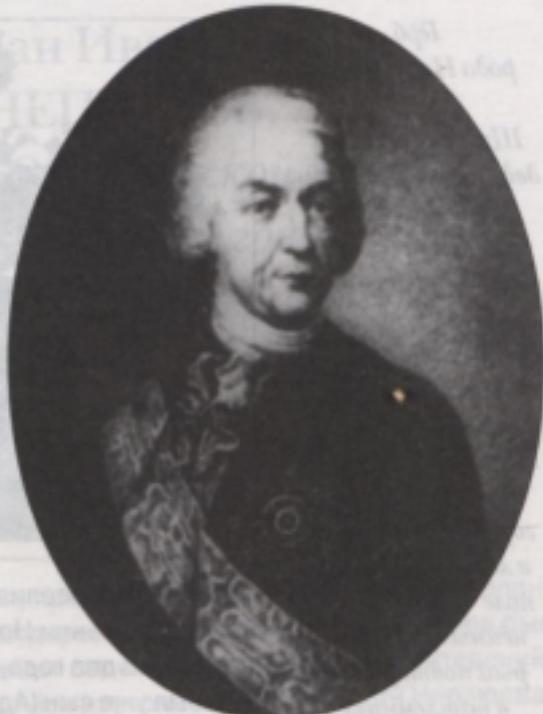

Татищевой. Поселились молодые в новгородском имении Неплюевых селе Поддубье. Через два года, когда у Ивана Неплюева был уже сын (Адриан), он удалился на богоугодие в монастырь – “по обещанию”, и отсутствовал год и четыре месяца.

В 1714 году, в силу указа о недорослях, Иван Неплюев в числе других дворян

*Смыслоное значение каждой части герба объясняется так: корона и держава символизируют легендарное происхождение основателя рода боярина Андрея Ивановича Кобылы (он был и предком царской династии Романовых) от королей Пруссии; два креста истолковываются как знак обращения его потомков в христианскую веру; дуб напоминает обряд кумиропоклонения, которое совершали под ним в языческое время прусские, самогитские и литовские владетели. Лавровая и масличные ветви во рту льва и клюве орла символизируют славу и мир. К родам, происшедшем от боярина А.И.Кобылкина, относятся дворянские роды: Боборыконы, Колычевы, Сухово-Кобыльины, Шереметьевы, графы Шереметьевы и Яновлевы.

И.И.Неплюев

Иван Иванович Неклюев

был определен в Новгородскую математическую школу. Князь Александр Данилович Меньшиков, устроивший смотр новгородским "недорослям", отметил его незаурядные способности и, вероятно, способствовал тому, что Неплюева, как одного из лучших учеников, вскоре перевели в Нарвскую навигационную школу, а затем и в Петербургскую Морскую академию. Здесь Неплюев имел возможность часто видеть Петра I, ревниво следившего за успехами своих питомцев.

В 1716 году Неплюев был определен в Ревельский флот гардемарином, и спустя какое-то время с несколькими новыми товарищами отправлен, по желанию Петра I, в Венецию для обучения "искусству мореплавания". Здесь в 1717 – 1718 годах

он принял участие в войне с Турцией на стороне Венеции и за успехи получил от венецианского генерала Пасквалино аттестат, засвидетельствовавший его мастерство в управлении галерой на море. По окончании войны гардемаринам продолжили образование в Кадиксе, в Морской академии. И, завершив его, в 1720 году вернулись с разрешения Петра I на родину.

В Петербурге гардемаринам сдавали экзамены в Адмиралтейской коллегии в присутствии Петра I. Государь ответами Неплюева остался весьма доволен и тут же произвел его в поручики морского галерного флота, напутствовав при этом такими словами: "Видишь, братец: я и царь, да у меня на руках мозоли, а всё оттого: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг Отечеству".

Вскоре после этого Неплюев был назначен смотрителем и командиром над строящимися в Петербурге морскими судами – служба, при которой он постоянно находился на глазах у царя. Наблюдая за Неплюевым, Петр I однажды заметил: "В этом малом путь будет!".

В январе 1721 года Петру I потребовался резидент в Константинополь (непременным условием было знание итальянского языка). Ф. М. Апраксин посоветовал послать туда "хваленого" Неплюева, на что Петр I ответил: "Это правда, он хороший, да мне бы хотелось его у себя иметь". Но, подумавши, всё-таки согласился и назначил Неплюева резидентом. Прощаясь, царь поцеловал Неплюева в лоб и сказал: "Прости, братец, кому Бог велит видеться". И действительно, это была последняя их встреча.

В Константинополе Неплюев держал себя с великой осторожностью, так как английский и французский послы были готовы на всё, лишь бы поссорить Россию и Турцию. Это им, однако, не удалось. Не удалась и попытка отравить русского резидента. Неплюев заключил с Турцией мирный договор, по которому Россия приобретала во владение все земли, лежащие на западном берегу Каспийского моря. В награду за это Петр I пожаловал ему четыреста душ в Устюжно-Железопольском уезде, произвёл в капитаны первого ранга и велел выдать его жене и детям полное жалованье по этому чину – сверх того, что получал Неплюев в Константинополе, а его старшему сыну Адриану положил 300 рублей в год на образование.

В 1725 году в Константинополь пришла весть о кончине Петра I. Вот что Неплюев пишет об этом в своих мемуарах:

"1725 года, в феврале месяце, получил я печальное известие, что Отец Отечества, Петр, император I-й, отъиде от сего света. Я омочил ту бумагу слезами как по должности о моём государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей не лгу, был более суток в беспамятстве, да иначе бы мне и грешно было: сей монарх Отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, всё его началом имеет, и, что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне, собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный".

В 1727 году, с позволения Екатерины I, Неплюев перевез в Константинополь жену и дочь (Адриан был с ним, двое других детей умерли). В годы царствования Петра II (1727 – 1730) ему было пожаловано еще одно имение. В 1730 году, при восшествии на престол Анны Иоанновны, Неплюев получил чин шаубенхата, то есть контр-адмирала флота.

В 1732 году, сильно заболев (по-видимому, лихорадкой), Неплюев отправил в Россию жену, старшую дочь и двух младших детей, родившихся в Константинополе, а в 1735 году и сам вернулся в Россию. Здесь он был произведен в тайные советники и назначен присутствовать в Коллегии иностранных дел.

Вскоре после отъезда Неплюева из Константинополя, где он прослужил четырнадцать лет, между Россией и Турцией возникла война, для России неудачная.

Восемнадцатого сентября 1739 года мир был подписан, Россия возвращала Турции все прежде завоёванные крепости (за исключением Азова, обязываясь срыть в нём все укрепления). Размежеванием земель по Днепру и Бугу поручили заняться Неплюеву, назначенному незадолго до этого киевским губернатором.

Здесь, в Киеве, Неплюев похоронил свою жену, скончавшуюся 4 декабря 1740 года...

Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны (27 ноября 1741 года) Неплюев был арестован и лишен всех малороссийских поместий, чина, места (к этому времени он яв-

лялся главноначальствующим над всей Малороссией) и ордена Александра Невского. Однако проведённое расследование показало, что ни в какие замыслы против императрицы Неплюев не входил, а потому чин и орден ему были возвращены; жалованные же малороссийские деревни уже разошлись по другим людям.

Не вернулся Иван Иванович и к прежней службе, а отправился, согласно указу Елизаветы Петровны, в Оренбургскую комиссию командиром.

В самарскую штаб-квартиру Комиссии Неплюев прибыл в конце апреля 1742 года и, приняв от генерала Соймонова войска и дела по управлению краем, выехал в Уфу. Там он получил подробные сведения о состоянии Уфимской провинции, о населяющих её народах: башкирах, черемисах, чувашах, мещеряках, тептярях и вотяках и, направился в самую глубь провинции, к верховьям Яика, определив по его течению места для нескольких крепостей.

В 1743 году, во вторую поездку в Уфимскую провинцию, Неплюев заложил восемь крепостей и 18 редутов и устроил в них гарнизоны для защиты от кочевников. Искол он и удобные пути между крепостями, а среди них тот, который со временем мог бы стать главным.

В этой поездке Ивана Ивановича сопровождала жена*, по дороге она простудилась и умерла; похоронена была в Орской крепости, в ограде Преображенской церкви.

В том же 1743 году Оренбург опять поменял свое местоположение, на сей раз – окончательно. Прибыв в урочище Красная гора и осмотрев место, предназначенное для строительства "обширной крепости", Неплюев нашел его неприемлемым по причине всяческих неудобств (в том числе вредных для здоровья климатических условий) и предложил строить город в 70 верстах отсюда, рядом с Бердской слободой.

План, представленный императрице Елизавете Петровне,

* И.И.Неплюев был женат вторым браком на двадцати трехлетней фрейлине Анне Ивановне Паниной, слывшей украшением императорского двора по красоте и образованности. Венчание происходило в Москве 7 октября 1741 года.

был ему принят, и 19 (30) апреля 1743 года Оренбург с "надлежащим молебствием с пушечной пальбою" заложили на высоком берегу Яика близ устья реки Сакмары.

Строительство города-крепости Неплюев вел самоотверженно: до ноября жил в землянке, и в выстроенный для него дом перешёл только тогда, когда для жителей были готовы дома, а для гарнизона – казармы.

Неплюев дал быстрое развитие Оренбургу. Прежде всего он вызвал сюда купцов из Уфы, Самары и других городов на самых выгодных для них условиях и обеспечил новопоселенцев выстроенным на казенный счет жильем. Своему основателю обязан город и первыми городскими церквами: Преображенской и Введенской, называвшимися летним и зимним соборами, и пригородной Георгиевской.

В 1744 году было дозволено строить в Оренбурге и татарские мечети.

На строительство прибывали тысячи людей, в том числе башкиры и тептяри (с платой по две копейки в день), и к 1747 году в Оренбурге уже насчитывалось 840 дворов, четыре церкви, имелись казённые номера, аптеки, пороховой погреб, магазины, гостиный и меновой дворы с 44 и 131 лавками соответственно. В целом же по краю было положено начало правильной разработке илецкой соли, открыты мел, известняк, глина, различные руды, улучшено рыболовство по Яику, устроены два стекольных, пятнадцать медеплавильных и тринацать железоделательных заводов, к 1752 году между Оренбургом, Челябинской и Троицкой крепостями учрежден был почтовый тракт протяжённостью около 700 верст. В эти же годы берет начало и всемирно известный промысел: вязание шалей и других изделий из пуха местной козы.

В 1744 году Неплюев представил в Сенат проект об образовании губернии. И в том же году, 15 марта, Сенат издал указ об учреждении Оренбургской губернии. Указ гласил:

"...В упомянутом городе Оренбурге быть губернией, именоваться Оренбургскою губернею, в ней быть губернатором тайному советнику Неплюеву".

Территория губернии простиралась от Волги до Сибири и от Камы до Каспийского моря, доходила (зачастую вбирая часть

**В.Н. Витевский,
исследователь
жизни и деятель-
ности первого
orenбургского
губернатора**

их земель) до нынешних Курганской, Омской, Свердловской, Самарской, Пермской, Тюменской, Ульяновской областей, включая в себя 30 тысяч квадратных километров современного Узбекистана, где жили каракалпаки, и превышала площадь теперешней Оренбургской области в 12,3 раза.

Биограф Неплюева Витевский описывал Оренбургский край того времени весьма мрачными красками:

“...Познакомившись с краем и с делами по его управлению, Неплюев убедился, что большая часть правительственные распоряжений, касавшихся башкир и других инородцев края, оставалась пока только на бумаге; должного порядка в управлении не было. Между башкирцами находилось много недовольных русскою властью и особенно притеснениями со стороны чиновников; в расходовании сумм найден большой беспорядок и громадный недочет; инородцы и русские поселенцы края, вследствие постоянных бунтов среди башкир и злоупотреблений некоторых воевод, страшно бедствовали; многие деревни были опустошены или выжжены; большие пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга землемельца и умелых рабочих рук”.

В марте 1744 года, по ходатайству Неплюева, Сенат издал указ о ссылке на поселение в Оренбург преступников из куп-

цов, мастеровых и ремесленных людей, "дабы в том новом месте промышленных мастеровых, ремесленных и купцовых людей умножено быть могло". А 15 июля того же года, по причине окончания со "шведскою короною войны" и заключенного мира, Елизавета Петровна объявила о прощении преступников и поселении некоторых из них по оренбургской линии. В манифесте об этом говорилось:

"...Простить всех приговорённых уже к смертной казни, сосланных в каторжные работы, хотя бы и навечно, освободить... Крестьян и посадских отправить в свои имения, а если наказаны публично, но ноздри не вынуты, тех хотя послать в их жилища, но ни к каким делам не определять; а у которых ноздри вынуты или другие знаки положены – тех послать в Оренбург на поселение в тамошние места и предместья по рассмотрении той губернии губернатором".

Издал Сенат, опять-таки по просьбе Неплюева, и указ об оставлении в крепостях Оренбургской губернии беглых и "непомнящих родства" людей с причислением их в казаки.

Стремясь поскорее дать защиту русским поселениям от нападений, Неплюев приступил к строительству крепостей, редутов и форпостов с такой энергией, что уже через несколько лет Оренбургский край был прикрыт от набегов воинственных кочевников целой цепью крепостей: к югу шла нижнеяицкая линия с девятью крепостями и 18 форпостами, к западу по реке Самаре самарская с девятью крепостями и тремя редутами, к востоку – двойной ряд военных поселений: по Яику десять крепостей и 16 редутов, а по Сакмаре – десять крепостей и два редута. Всего же при Неплюеве в Оренбургском крае было возведено 114 укреплений разного рода. Без них, по словам того же Витевского, о торговле и промышленности, в настоящем смысле, нечего было и говорить. Каждый торговый караван пришлось бы охранять целым войском не только от киргизов и калмыков, но и от разбойничьих шаек каракалпаков, кашгарцев, хивинцев и других среднеазиатских народов.

С увеличением числа укреплений пришлось думать и об увеличении военной силы, а потому Неплюев обратил особенное внимание на оренбургских и яицких казаков. Желая на месте лично ознакомиться с положением казачества, Неплюев отпра-

вился в Яицкий городок и взял с собой П.И.Рычкова (впоследствии первого члена-корреспондента Российской Академии наук). С его помощью Неплюев собрал исторические сведения о Яицком войске, и составил подробный проект об изменении его управления. В 1753 году, будучи в Петербурге, Неплюев представил проект Военной коллегии, но на сей раз утверждения его не добился. И всё же благодаря именно Неплюеву, Яицкое войско осталось на своей родной земле и получило в "вечное владение" воды, изобилующие рыбой.

Неплюев разработал и штаты Оренбургскому нерегулярному корпусу (Оренбургскому казачьему войску), и даже собственноручно подготовил эскиз его знамени.

Немало потрудился Неплюев и над устройством Уфимской и Исетской провинций, входивших в состав Оренбургской губернии, и над устройством быта ставропольских крещёных калмыков, на которых возлагал большие надежды, рассчитывая, что их пример, подкреплённый различными льготами, будет привлекать калмыков-язычников, и они мало-помалу сделаются добрыми христианами и осядут на земле. Одной из мер, предпринятых Неплюевым для ознакомления калмыков с земледелием, было введение общественной запашки, на которую должны были являться со всех уездов по несколько человек с лошадьми и работать под присмотром русских переселенцев и приставов.

Духовное руководство калмыками Неплюев поручил протоиерею Чубовскому, хорошо знавшему калмыцкий язык. Им были переведены Евангелие и извлечения из Церковной истории, составлен калмыцкий букварь.

Пока главным начальником Оренбургского края оставался Неплюев, всё шло хорошо. Но стоило ему уехать в Петербург, и ставропольские калмыки сделались почти такими же язычниками, как астраханские, многие из них стали переселяться в улусы, где их охотно принимали, а улусные калмыки побежали в Китай...

Зная мечту Петра I "отворить врата в полудённую Азию", Неплюев многое сделал для того, чтобы Оренбург стал центром русско-азиатской торговли. Он писал приглашения во все магистраты, посыпал татар Сеитовской слободы приглашать киргизцев, хивинцев, ташкентцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев.

Татары как нельзя лучше исполнили волю губернатора, и уже в 1745 году в Оренбурге происходила значительная торговля. Как писал сам Неплюев, "знатный торг в Оренбурге возымел начало".

В 1749 году Неплюев докладывал в Сенат:

"... В прошлом году русские купцы получили в Оренбурге серебра персидского монетою от азиатских купцов 71 пуд 13 фунтов, а с последней половины текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых тамошних обыкновенных товаров очень немного, но персидского серебра 418 пудов 22 фунта, а так как привозных туда из России товаров только на 140 тысяч рублей, из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то по просьбе русских купцов принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своём коште отправляют наручных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее ещё доставить нужных товаров в Оренбург.

Сверх того, писано в Казань, чтоб тамошние купцы спешили туда же с своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отдохочены от приезда в Оренбург в большом числе".

Но Неплюев и на посту губернатора оставался государственным деятелем, мыслящим в масштабе всей Империи и заботящимся о её процветании. Именно поэтому, встревоженный тем, что из привезённого "азиатцами" серебра большую часть взяли за свои товары астраханские купцы, Иван Иванович счёл своим долгом предупредить тамошнего губернатора, чтобы это серебро через имеющийся в Астрахани порт не уплыло обратно в Персию.

Вскоре Оренбург сделался главным пунктом меновой торговли между русскими и азиатскими купцами, и для удобства её были выстроены гостиный и меновой дворы: гостиный двор располагался в городе и предназначался для зимней торговли, а меновой за Яиком – для летней.

В конце 1751 года Неплюев сообщал в Петербург, что из Оренбурга с начала года "вступило в Россию золота 13 пудов 1 фунт 15 золотников, серебра – 1186 пудов 22 фунта, пошлин взято 82949 рублей". По свидетельству П.И.Рычкова, с 1748 по

1755 год через Оренбург в Россию ввезено до 55 пудов золота и 4600 пудов серебра, а это при недостатке в то время в государстве драгоценных металлов, имело важное значение. Скоро Оренбург обзавёлся даже собственной плавильней, где "сплавку" золота и серебра, согласно указу Сената, производили так, как в "Москве на монетном дворе чинится... дабы оное серебро и золото без вторичной сплавки прямо в передел было годно".

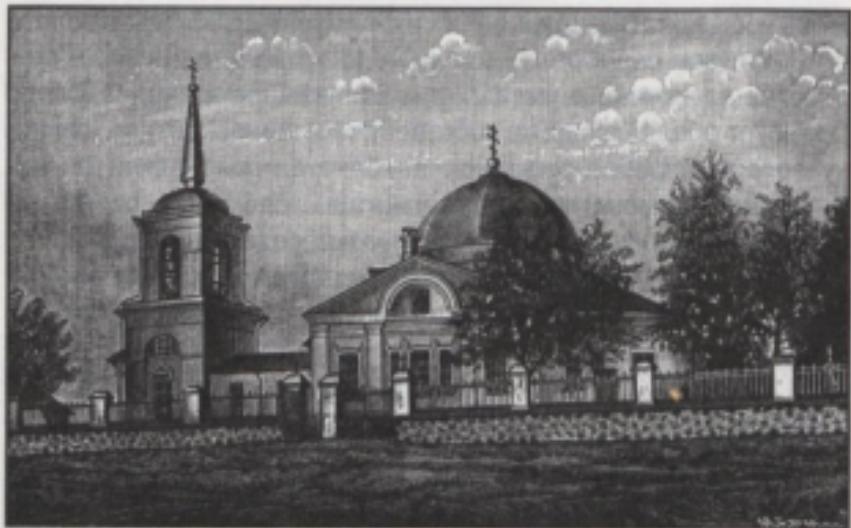
Видя успехи внешней торговли, Неплюев составил проект о торговле России с Индией, но этому проекту, к великому его огорчению, не дали хода.

В 1754 году, когда в Оренбурге кипела творческая, созидательная работа, преобразующая край к лучшему во всех отношениях, среди башкир был подготовлен хорошо организованный заговор, у истоков которого стоял мещеряцкий мулла Абдулла Мязгильдин, религиозный фанатик, известный в народе под прозванием Батырши Алеева. Батырше удалось склонить на свою сторону не только башкир, но и казанских татар, и киргизов. Восстание полыхнуло по всему краю почти в один и тот же час.

Несмотря на сильное недомогание, Неплюев принял на себя руководство по прекращению мятежа. Он распорядился, чтобы во всех крепостях и редутах были приняты надлежащие меры предосторожности, и потребовал присылки войск, указав при этом места, где должны были собраться вызванные полки, и дав подробные наставления, как им действовать. Одновременно с этим, Неплюев отправил киргизскому хану Нурали грамоту, в которой просил удерживать свой народ от участия в бунте, а киргизским старшинам – подарки в сопровождении толмачей из мусульман с тем же пожеланием. Но, самое главное, по всему краю были разосланы указы, обещающие прощение бунтовщикам, если те явятся с повинной. В результате восстание было прекращено, а Батырша пойман и отвезён в Петербург.

Чувствуя, что здоровье не позволяет больше оставаться на трудном и ответственном посту оренбургского губернатора, Неплюев подал прошение об отставке, которое и было принято в 1758 году.

До 1760 года Иван Иванович жил в Петербурге как частное лицо, а затем снова поступил на службу в звании сенатора и конференц-министра, но в должности пребывал, "немым" по

*Храм, выстроенный И. И. Неплюевым
в селе Поддубье*

собственному его выражению, "ибо никто уже и мнения моего не требовал".

Двадцать восьмого июня 1762 года, при отъезде заговорщиков и будущей императрицы Екатерины II в Петергоф для принятия от Петра III отречения от престола, Неплюеву был поручен цесаревич Павел Петрович, а также и весь Петербург со всеми находившимися там войсками. Во время коронации Екатерины II в Москве, Петербург был снова оставлен на Неплюева.

Позже государыня наградила Неплюева орденом Св.Андрея Первозванного и положила ему сверх жалованья по 500 рублей в месяц. Награды "действительному тайному советнику (с 1751 года. –Авт.), сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву были пожалованы за долгую службу, а особенно за учинённое им в бытность его в Оренбурге знатное приращение государственных доходов".

Между тем, здоровье Неплюева всё более ослабевало, и в середине 1764 года он, уже совершенно ослепший, явился к Екатерине II с просьбой об увольнении от службы. Императрица усадила его подле себя и, предугадывая его намерение, сказала: "Я ра-

зумею тебя, Иван Иванович! Ты конечно хочешь проситься в отставку, но – воля твоя – я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мне на свое место человека с такими же достоинствами, с какими ты". Неплюев, растроганный до слёз, отвечал:

*"Нет, Государыня, мы ученики Петра Великого; проведены
и姆 сквозь огонь и воду; иначе воспитывались, иначе думали
и иначе вели себя; а ныне иначе воспитываются, иначе
ведут себя, иначе мыслят. Итак, я не могу ни за кого, ниже
за сына моего ручаться".*

При выходе в отставку, Неплюев получил в награду "за верную, честную, многополезную и продолжительную службу" несколько деревень в Малороссии и двадцать тысяч рублей. После этого Неплюев ещё некоторое время жил в Петербурге, навещаемый императрицей, которая иногда совершенно запросила у него обедала.

В 1765 году он побывал в своем родовом имении Поддубье, а затем поехал в Малороссию, но по дороге сильно занемог и выписал к себе сына Николая Ивановича, служившего в Петербурге. Состояние Неплюева было настолько слабо, что сын счёл необходимым забрать отца в Петербург. Однако Неплюеву скоро наскучила бездеятельная жизнь в столице, и он отправился в Поддубье строить храм.

В октябре 1773 года Неплюев почувствовал полный упадок сил, стал готовиться к смерти и в течение трёх дней диктовал князю Андрею Ивановичу Мышецкому и Василию Васильевичу Татищеву письмо к своему сыну Николаю Ивановичу. В числе последних наставлений особенно замечательно следующее:

*"Люби своё отчество и в защищение того пользы не щади
не только благосостояния, но и жизнь. Подчинённым
твоим и паче крестьянам будь большие отец, нежели госпо-
дин, имея присно в памяти слово Божие: "милости хощу, а
не жертвы", и что они такие же люди, как и ты, кроме
чинов и власти, данной тебе гражданскими законами".*

Скончался Неплюев 11 ноября 1773 года на восемьдесят первом году жизни и похоронен в Поддубье, в им же построенном храме.

*Надгробные памятники
внутри Поддубского храма*

Автор "Деяний Петра Великого" И.И.Голиков, бывший у Неплюева домашним чтецом и знаящий его в течение двадцати лет, писал:

"Сей достопочтенный муж имел разум твердый и тонкий, деятельность неусыпную, правосудие строгое и никакими пристрастиями и интересами непоколебимое..., был враг вольнодумства, суеверия, ласкательства и потаковщиков; всякие несчастья и прискорбности сносил с благодарением Богу, веря несомненно Пророчеству Его, управляющему жребием смертных".

Иван Иванович Неплюев имел детей: Адриана (1712–1750) – служил послом в Саксонии и Турции, Марию (1714–1769) – была замужем за вице-адмиралом В.Я.Римским-Корсаковым, Ивана (1716–1723), Анну (1730–1790) – была замужем за действительным тайным советником президентом Камер-коллегии М.К.Лунным, Николая (1731–1784) – сенатора, первой женой которого была княжна Т.Ф.Мещерская (1730–1755, умерла в Оренбурге), а второй Агриппина, дочь двоюродного брата Петра I обер-гофмаршала А.Л.Нарышкина.

Внуки Неплюева Иван и Дмитрий (Николаевичи) стали генерал-адъютантами и сенаторами.